

Хрупкий цветок

Е Цзюэ выглядел так, словно костью подавился, но, будучи молодым главой секты Сицзянь, держал слово. И пусть выходка Юй Шаолина едва не довела его до кровавой рвоты от злости, ему пришлось смирить гордость и без лишних споров уступить гостям три лучших покоя.

Благодарные ученики Павильона Яньюнь, избавленные от сомнительного удовольствия ночевать в конюшне, перевозносили своего старшего брата до небес. Ночь в роскошных покоях класса «Небо» прошла спокойно, подарив всем безмятежный сон. Наутро, едва спустившись в общий зал, Юй Шаолин застал там небывалое оживление. Ученики Сицзянь сбились в тесную кучку и что-то бурно обсуждали вполголоса.

«Сразу видно — адепты Пути Тунцзы. С самого утра девать силушку девственную некуда», — Юй Шаолин сладко зевнул и велел трактирному слуге принести две корзинки баозы.

Он уплетал горячие пирожки за обе щеки, когда со стороны соседей донеслись резкие, режущие слух голоса. Адепты Сицзянь уже не пытались сдерживаться:

— Надо же, увязался-таки! О чем только этот никчемный думает? Ни капли гордости!

— И не говори. Проведает молодой глава — опять беды не наберешься.

Юй Шаолин поначалу слушал их вяло, но ярость, с которой шипели ученики, все же пробудила в нем любопытство. Прихватив надкушенный пирожок, он лениво побрел к выходу.

У самого порога гостиницы на коленях стоял юноша лет семнадцати-восемнадцати. Тщедушный, хрупкого сложения, он был облачен в простую, застиранную до белизны робу внешнего ученика Сицзянь. Голова его была низко опущена, лица не разглядеть, но спину он держал прямо, словно натянутую струну. В этой позе угадывалось молчаливое, непреклонное упрямство.

Юй Шаолину показалось, что этот силуэт ему смутно знаком, однако вспомнить, где именно они пересекались, он никак не мог. Медленно жуя, он принялся рыться в памяти.

В этот момент в дверях показался Е Цзюэ. Вид у него был сонный и оттого вдвойне надменный. Судя по всему, молодого главу разбудил уличный шум, и теперь на его лице читалось крайнее недовольство. Он окинул собравшихся ледяным, презрительным взглядом:

— Что за переполох на рассвете?

— Молодой глава, тут... — робко начал было один из учеников, но Е Цзюэ уже подошел ближе.

Заметив коленопреклоненную фигуру, он на мгновение замер. Он нахмурился, выдавая замешательство: похоже, он искренне не знал, что делать с незванным гостем.

Юй Шаолин соваться в чужие дела не собирался. Он устроился в сторонке и продолжал неторопливо жевать свой баозы, с интересом наблюдая за развитием драмы.

Наконец Е Цзюэ нарушил молчание. Его голос по-прежнему звучал высокомерно, но сквозь привычный апломб пробилось нечто похожее на искреннее сочувствие. Он заговорил так, словно действительно пытался уберечь глупца:

— Я гоню тебя не из прихоти. Твои духовные каналы безнадежно слабы, ты даже к порогу Пути к Небесам приблизиться не сумеешь. К тому же дорога впереди полна опасностей, это тебе не праздная прогулка. Я просто не хочу, чтобы ты погиб ни за грош, Ци Фань.

Юй Шаолин, мирно уплетывавший пирожок, при звуках этого имени едва не поперхнулся. Внутри у него все так и перевернулось.

Что, прости!?

Ци Фань!?

Главный герой этого романа, баловень судьбы и будущий владыка!?

Стоило заветному имени прозвучать, как этот тщедушный замухрышка в глазах Шаолина мгновенно преобразился. Теперь в каждом изгибе его спины угадывалось нечто величественное. Даже не видя лица юноши, Юй Шаолин готов был поклясться, что от того исходит аура истинного героя.

Он на цыпочках подобрался поближе, но стоило ему сделать шаг, как Е Цзюэ раздраженно зыркнул в его сторону:

— А тебе здесь что нужно? Какого черта лезешь?

— Ну как же, мы ведь братья по пути самосовершенствования, — добродушно отозвался Юй Шаолин, проигнорировав грубость. — Почему бы не пообщаться, не укрепить узы дружбы?

Говоря это, он то и дело косился на распростертого на земле юношу, силясь разглядеть, чем же так примечателен будущий покоритель небес. Но Ци Фань упорно не поднимал головы, застыв безмолвным изваянием, так что разглядеть хоть что-то было решительно невозможно.

— Не путайся под ногами, проваливай! — огрызнулся Е Цзюэ.

Юй Шаолин лишь улыбнулся в ответ:

— Полно тебе, брат Е. Этот юноша — тоже ученик твоей секты Сицзянь. Он проделал такой долгий путь, всю ночь провел здесь на коленях, доказывая преданность. Гнать его теперь взащей как-то... не по-человечески, тебе не кажется?

— Это дела Сицзянь, не суй свой нос куда не просят! — Е Цзюэ окончательно утратил самообладание, наплевав на приличия. — У него духовные каналы забиты, сил нет совсем. Даже если он переступит порог врат, ведущих на Путь к Небесам, первая же преграда сотрет его в порошок. Для его же блага лучше остаться дома.

«Вот как? Неужели правда?» — удивился Юй Шаолин.

В романе «Путь бессмертного к уничтожению мира» черным по белому было написано, что Ци Фань — гений, рождающийся раз в десять тысяч лет, чей ум граничит с дьявольским коварством, а силе нет равных во всем поднебесном мире. Однако Е Цзюэ явно не лгал.

Юй Шаолин крепко задумался. Тем временем молодой глава секты повернулся к коленопреклоненному юноше и вынес окончательный приговор:

— Возвращайся назад. Даже если ты здесь насмерть расшибешь лоб, я не возьму тебя с собой.

«М-да, жестокости ему не занимать», — мысленно хмыкнул Юй Шаолин.

Однако Ци Фань даже не шелохнулся. Он продолжал безмолвно стоять на коленях, упрямо выпрямив спину, всем своим видом выказывая железное упорство.

Юй Шаолин доел баозы — юноша все еще стоял на коленях.

Юй Шаолин сытно пообедал — тот не сдвинулся с места.

Юй Шаолин отужинал — фигура у порога оставалась неподвижной.

Тогда Юй Шаолин вздохнул и вытащил из рукава второй Золотой лист, демонстративно покрутив его перед носом Е Цзюэ.

У молодого главы едва глаза на лоб не полезли от ярости. Однако деваться было некуда: договор есть договор, и долг чести Сицзянь требовал выполнять условия клятвы Золотого листа. Вырвав амулет из пальцев Шаолина, он сквозь зубы выплюнул:

— Юй Шаолин, гляди не пожалей об этом!

Каким бы вспыльчивым ни был Е Цзюэ, слово свое он держал свято. С этого момента Ци Фань официально присоединился к их отряду.

Задержавшись в Чанъани еще на два дня, они наконец двинулись на заброшенный запад. К этому времени дорога перестала быть уединенным путешествием учеников Павильона Яньюнь — к походу примкнуло множество других школ и кланов. Разумеется, секта Сицзянь во главе с Е Цзюэ шла бок о бок с ними. Именно тогда Юй Шаолин впервые почувствовал на своей спине чужой пристальный взгляд — колкий, неотвязный, словно вонзившаяся под кожу игла.

Юй Шаолин прекрасно знал, кто именно буравит ему затылок, но никак не ожидал, что главный герой романа окажется... таким.

В конце концов, автор «Пути бессмертного к уничтожению мира» описывал Ци Фаня как неоспоримого триумфатора — гордого, безжалостного лидера с дьявольским интеллектом и безупречным талантом. Но сейчас что-то явно пошло наперекосяк. Вместо грозного воителя перед Шаолином предстал жалкий слабак с забитыми меридианами, к тому же пугливый до невозможности. Парень не смел даже поднять на него глаза. Он лишь покорно плелся следом, а стоило Шаолину обернуться — срывался с места и улепетывал со всех ног, точно напуганный заяц.

Живи они в современном мире, Ци Фаня наверняка сочли бы закомплексованным и мрачным преследователем.

После того как эта игра в кошки-мышки повторилась несколько раз, терпение Юй Шаолина лопнуло.

Выждав удобный момент безлунной ветреной ночью, когда лагерь погрузился в сон, он бесшумно подошел к горевшему костру. Ци Фань как раз дежурил, уныло вороша угли прутиком. Шаолин без лишних церемоний опустился рядом и по-братски сгреб его за плечо:

— Ци Фань, верно? Нам нужно потолковать.

Юноша вздрогнул, но головы не поднял, уставившись на сухую ветку в своих руках. Его тело напряглось, превратившись в камень.

— Ты меня боишься?

Ци Фань задеревенел еще сильнее и лишь спустя минуту едва заметно качнул головой.

Юй Шаолин нахмурился, не удержавшись от легкого упрека:

— Боишься — так и скажи, нет — так ответь нормально. Что за манеры?

Но стоило словам сорваться с губ, как он тут же мысленно обругал себя. Плечо под его ладонью задрожало. Прошло немало времени, прежде чем юноша прошелестел едва слышно, словно писк комара:

— Сяожэнь не смеет...

Юй Шаолин едва не взвыл от досады. Кто бы мог подумать, что грозный владыка демонов в юности окажется столь нежным, ранимым цветком, трепещущим от любого дуновения? У Шаолина голова пошла кругом.

— Да не бойся ты, — уже мягче произнес он. — Я ведь просто спросить хотел. Ты так упорно на меня смотришь все эти дни — может, хочешь сказать что-то?

— У сяожэня... нет никаких слов.

— Тогда зачем ты постоянно подглядываешь за мной исподтишка?

Услышав этот вопрос, Ци Фань, казалось, и вовсе перестал дышать. Он замер, застигнутый врасплох, словно воришка, которого поймали за руку.

Глядя на эту картину, Юй Шаолин почувствовал, как к горлу подступает глухое отчаяние. Общаться с подобными молчунами он не умел и не любил, однако деваться было некуда. Этот забитый мальчишка — не только будущий обладатель самой могущественной силы в мире, но и его потенциальный зять. Портить с ним отношения сейчас было бы верхом глупости.

Смирив раздражение, Шаолин постарался придать голосу максимум дружелюбия:

— Тебе не по душе мое общество? Тяготит?

Ци Фань промолчал.

— Да не молчи ты, говори как есть. Если я тебе в тягость, то просто перестану навязываться и поеду отдельно.

— Сяожэнь не смеет...

Юй Шаолин мысленно закатил глаза. Опять заладил свое.

— Эх... — Юй Шаолин сокрушенно вздохнул, ощущая непривычную усталость.

Терпеть упрямство этого хрупкого создания сил больше не было. Недолго думая, он

бесцеремонно протянул руку, ухватил Ци Фаня за подбородок и заставил поднять голову так, чтобы их взгляды встретились.

— А ну-ка посмотри на меня и скажи честно...

Но едва их глаза встретились, как у Шаолина похолодело внутри. Взгляд Ци Фаня оказался пугающе глубоким, почти черным. В этих темных омутх таилась необъяснимая, притягательная сила, способная затянуть любого неосторожного в бездну, сковать волю и лишить всякой надежды на спасение.

Почувствовав мгновенный испуг, Юй Шаолин поспешно отвел глаза. Придя в себя через секунду, он мысленно выругался, коря себя за глупую слабость, и вновь уставился на юношу. На сей раз Ци Фань не стал отворачиваться. Он смотрел прямо на собеседника — пристально, с каким-то странным выражением, от которого Шаолину стало не по себе. Подавив внутреннее смятение, он продолжил:

— Давай начистоту. Тебе действительно некомфортно рядом со мной? Если хочешь что-то сказать, говори прямо, без этих увиливаний.

Ци Фань долго молчал, прежде чем прошептать:

— Сяожэнь вовсе не тяготится обществом молодого главы павильона. Просто... я благодарен вам за помощь и хотел бы отплатить за доброту.

— А, так вот оно что, — Юй Шаолин облегченно рассмеялся и махнул рукой. — Пустяки, мне это ничего не стоило, так что забудь. И прекрати величать себя «сяожэнем», да и этот «молодой глава павильона» мне уже оскомину набил. Если не брезгуешь, зови меня просто старшим братом Юй.

— Сяожэнь не смеет. Молодой глава — законный наследник великого Павильона Яньюнь, ваш статус благороден и высок. А я всего лишь безродный ученик внешнего круга секты Сицзянь. Мне не положено набиваться к вам в братья.

«Ишь какой упрямый! — мысленно хмыкнул Шаолин. — Родственником он мне, видите ли, быть не желает. Да ты в будущем моим зятем станешь, еще назовешься братом сотню раз, никуда не денешься!»

Вслух же он, забавляясь упрямством юноши, с улыбкой произнес:

— Ну, раз уж ты сам заговорил о долге, я, пожалуй, заберу причитающееся прямо сейчас.

— Сяожэнь внимательно слушает.

— Моя плата такова: впредь никаких «молодых глав». Будешь звать меня старшим братом Юй. Договорились?

Ци Фань снова опустил голову, храня упорное молчание.

Юй Шаолину пришлось продолжить увещевания:

— Послушай, пусть ты и числишься во внешнем круге Сицзянь, все мы из плоти и крови, все ступили на путь бессмертия. Перед небом нет ни благородных, ни подлых. Мы равны.

Эти слова, похоже, зацепили Ци Фаня за живое. В его глазах промелькнуло удивление, и он тихо, словно пробуя фразу на вкус, повторил:

— Нет благородных и подлых?..

— Вот именно, — кивнул Шаолин. — Меня давно раздражают эти порядки. Ну взрастил тебя клан, обучил премудростям — отблаговари делом, кто же против? Но зачем пресмыкаться перед ними, точно дворовые слуги?

— Но господин Юй... как же ваши слуги? Они ведь...

— Какие еще слуги? — искренне изумился Шаолин. — Это мои младшие соученики, шиди! Если натворят глупостей — получают от меня по шее, но если их кто-то чужой обидит — я любому глотку перегрызу. Мы равны, у нас нет господ и рабов. Эх, жаль, что ты не попал в наш Павильон Яньюнь, сейчас бы законно звал меня старшим братом.

Ци Фань слушал его затаив дыхание. Костяшки его пальцев, сжимавших сухую ветку, побелели. Спустя долгую паузу он тихо спросил:

— И таков... закон Павильона Яньюнь?

Юй Шаолин задумался. Его отец, Юй Миньчжи, хоть и слыл человеком строгих правил и закоренелым консерватором, к ученикам относился справедливо, без предвзятости. Так что назвать это «законом Яньюнь» было не таким уж преувеличением.

— Именно так, — твердо подтвердил он.

Юноша погрузился в раздумья, пряча лицо в тени. Поняв, что упряма не переубедить, Шаолин обреченно махнул рукой:

— Ладно, не неволю. Насильно мил не будешь. Но впредь хотя бы...

— Братец, — вдруг тихо сорвалось с его губ.

Юй Шаолин опешил. На мгновение ему показалось, будто перед ним стоит его собственный младший брат, Юй Шаои. Мгновение спустя он мысленно посмеялся над своей глупостью — просто это обращение прозвучало настолько знакомо, что вызвало нелепую ассоциацию.

— У меня на родине так принято величать старших, — смущенно добавил Ци Фань, бросив на него робкий взгляд. — Надеюсь, молодой глава не разгневается?

— С чего бы? — добродушно отмахнулся Шаолин. — Раз уж назвал братцем, так тому и быть. Если попадешь в беду или понадобится помощь — сразу иди ко мне, я в обиду не дам.

— Спасибо... братец, — Ци Фань улыбнулся, и эта робкая, чистая улыбка словно разогнала ночной мрак вокруг них.

Юй Шаолин невольно залюбовался им. Что ни говори, а Ци Фань не напрасно занимал место главного героя. Пусть сейчас ему еще недоставало величия и властности истинного триумфатора, а лицо порой казалось излишне суровым и простоватым, истинная красота крылась не в чертах, а в самой его сути. Стоило юноше улыбнуться, как это мимолетное преображение затмило бы любых признанных красавиц поднебесного мира, заставив померкнуть и саму луну.

<http://bllate.org/book/18172/1747526>